

МАРИЯ РЕНТЕЦИ НАСТРОЙКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ:

ГРЕЧЕСКИЕ ТАБАЧНЫЕ СКЛАДЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Мария Рентеци, профессор кафедры исследований науки, технологий и гендера, Университет им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге; приглашенная исследовательница в Институте истории науки Общества Макса Планка; Germany, D-91054, Erlangen, Bismarckstrasse, 6.

E-mail: mrentetzi@mpiwg-berlin.mpg.de

В конце XIX века Кавала, приморский город на севере Греции, стал одним из важнейших центров обработки табака на Балканах. Влиятельные торговцы табаком, в основном из Габсбургской и Османской империй, построили здесь множество табачных складов, которые переопределили центр города, его характер, а также его границы. Я доказываю, что архитектура этих складов глубоко повлияла на идентичность работников табачной индустрии и дала торговцам табаком возможность публично демонстрировать себя и свои достижения. В то же время эти ранние промышленные постройки разрушили границы между городом и заводом, пролив свет на культуру производства и на повседневную жизнь рабочих, занятых в греческой табачной индустрии.

Ключевые слова: табачные склады; архитектура и технологии; исследования технологий; промышленный дизайн; гендер; идентичность

Цитирование: Рентеци М. (2021) Настройка идентичностей посредством промышленной архитектуры и городского планирования: греческие табачные склады в конце XIX – начале XX века // Городские исследования и практики. Т. 5. № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202034-49>

В начале XX века экономика ряда греческих городов — в особенности Кавалы, Ксанти, Драмы, Волоса, Салоник и Агриниона — базировалась почти исключительно на выращивании, обработке и продаже табака. В прибрежных городах, таких как Кавала, повседневная жизнь отражала цикл табачного производства: сборка, сушка, обработка и пакетирование табачного листа, транспортировка в порт и погрузка на баржи, пришвартованные у причалов огромных городских табачных складов, и переправка табака на пароходы иностранных компаний, стоящие на рейде. *Капномагазы (kapnomagaza)* — легко узнаваемые двухэтажные каменные и бревенчатые здания табачных складов — были примечательными городскими объектами. Эти ранние типы промышленных зданий, будучи свидетельствами тесной связи между табаком и городами, в которых производился табак, проливают свет на каждый аспект этих сложных взаимоотношений.

В Кавале многие табачные склады были построены влиятельными табачными торговцами, в основном из Габсбургской и Османской империй, в конце XIX — начале XX века и были предназначены как для хранения, так и для обработки табака. При устройстве этих зданий учитывались особенности производственного процесса, приемки сырья и отгрузки продукции, а также необходимость естественного освещения в рабочей зоне и полной темноты при хранении табачных листьев. В архитектуре этих зданий проявились особенности повседневного рабочего процесса, гендерное разделение труда и даже иерархическая структура власти, связывавшая торговцев и рабочих.

1 Перевод выполнен Иваном Тарасовым по: Rentetzi M. (2008) Configuring Identities Through Industrial Architecture and Urban Planning: Greek Tobacco Warehouses in Late Nineteenth and Early Twentieth Century // Science Studies. Vol. 21. No. 1. P. 64–81.

Далее я сосредоточусь на табачных складах как на местах одновременно экономического, дискурсивного и культурного производства и как пространстве разрушения грани между производством и городом. Внутри складов происходили не только производственные процессы обработки и упаковки табачных листьев, но и создание профсоюзов, зарождение идеологических конфликтов, дискурсивное формирование коммунистической политики, изобретение новых технологий и конструирование гендерно-дифференцированной рабочей культуры. Наконец, это были места, где трансформировались идентичности людей по мере того, как они превращались из земледельцев в фабричных рабочих. В то же время эти склады накладывали на город неизгладимый отпечаток и доминировали в его планировочной структуре как за счет своего бросающегося в глаза присутствия, так и благодаря переменам, которые они вызывали. Когда же в конце XIX — начале XX века выступления рабочих выплеснулись из фабрик в городское пространство, фабрика и ее жизнь наконец захватили весь город. Этот рассказ уходит корнями в мой личный опыт жизни в Кавале в детстве и зрелом возрасте. Запах табака до сих пор ощущается в немногих оставшихся складах и будит воспоминания из моего детства.

На перекрестке архитектуры и исследования технологии

В современных исследованиях технологий некоторые авторы используют архитектуру как путеводитель для понимания того, как технологии формируют общество и сами формируются им. Возьмем для примера архитектуру промышленных зданий. Как показывает Линди Биггс, промышленные здания XIX — начала XX века в американском ландшафте воплощают сильные образы предприятий, которые в них когда-то помещались, и обнаруживают важные сдвиги в способах производства. Переход от небольших фабрик к индустрии массового производства эпохи модерн, или, по словам Биггс, переход к рациональному производству, отразился на их архитектурной форме. Фабрика стала огромной машиной, где и технологические элементы, и рабочие функционируют точно и предсказуемо и где порядок (машинообразный порядок), с одной стороны, заставил рабочих изменить свои традиционные трудовые привычки, а с другой — стал идеалом инженеров и промышленников. Новое пространство рабочего места должно было удовлетворять таким требованиям, как конвейерные линии сборки, применение специализированных механизмов и наличие тейлоризированных низкоквалифицированных работников, то есть всем характеристикам американской промышленности эпохи модерн, символом которой стал завод Хайленд-Парк. Это был новый завод автомобильной компании Ford, расположенный недалеко от Детройта. Построенный в 1910 году, Хайленд-Парк стал воплощением развития рационального завода как предсказуемого управляемого механизма. Приспособив его для естественного освещения, отделив здание заводоуправления от производственных цехов, соединив элегантность с порядком и сделав здания доступными для пешеходов, Форд превратил свою фабрику в хорошо отлаженную и выдающуюся машину [Biggs, 1996; 1991].

В промышленном дизайне архитектура использовалась как средство повышения производительности путем улучшения морального духа рабочих. Движение за индустриальное благосостояние конца 1910-х годов делало упор на улучшениях в их социальном положении и среде обитания, таких как озеленение, образование, библиотеки и улучшенные заводы. В представлениях промышленных инженеров большие окна завода в Хайленд-Парк или даже более ранние примеры на ряде заводов в Буффало, Нью-Йорк, означали прямую связь с тем, что созданная среда с улучшенными условиями труда стимулирует квалифицированных работников остаться и работать с более высокой производительностью [Banham, 1986; Hildebrand, 1974; Meyer, 1981; Biggs, 1996].

В схожем исследовании Эйми Слэйтон показывает, что в 1900–1930 годы в американском промышленном ландшафте преобладали бетонные функционалистские здания, посредством своей архитектуры они придавали достижениям массового производства общественную и культурную значимость. Несколько критериев, связанных с преимуществами железобетона, обусловили его использование и сделали фабричные сооружения удивительно единообразными. У этих зданий одна и та же форма, методы строительства и подход к украшению — все это сделало их дизайн легко воспроизводимым [Slaton, 2001]. В то же время Роберт Льюис подчеркивает, что в начале XX века разные технологические реальности требовали разных производственных помещений и, соответственно, зданий с разной планировкой. Проектные реше-

ния не были равномерно распределены по всем производителям, поскольку они избирательно применяли именно те, которые им подходили. Как пример, фабрика производителя шляп Stofut & Knapp показывает, что для разных машин и технологических процессов при производстве дешевых и заказных шляп соответственно требовались не параллельные сборочные линии, а ячеечная планировка фабричного здания [Lewis, 2001].

Независимо от вопросов единообразия или вариативности в промышленном дизайне, исследователи технологий сходятся во мнении, что «новый завод» действительно функционировал и в прагматическом, и символическом планах. Несомненно, в начале XX века промышленники использовали свои заводы как культурные образы и символы престижа. В свою очередь, на практическом уровне, будучи неотъемлемой частью производственного процесса, проект предприятия определял потоки людей, материалов и готовой продукции. Расположение заводов в городе тесно связано с факторами близости к транспортной системе, рынкам сбыта и доступной рабочей силой. Бэтси Брэдли напоминает нам, что «доступная рабочая сила» часто предполагала наличие большого резерва потенциальных работников определенного гендера, расы и этнической принадлежности [Bradley, 1999]. Поэтому промышленники стремились разместить свои производства не просто около мест проживания рабочих, но около мест проживания рабочих определенного пола, расы и этноса, тем самым конструируя определенную иерархию, базирующуюся на характеристиках рабочей силы. И наконец, проект завода не только подразумевал решение практической проблемы, но и задействовал социальную трансформацию в индустриальных городах. В глубоком смысле индустриальный дизайн задействует пол, этничность или расовые идентичности через пространственную доступность и маркирование рабочих мест. Например, из исследования Американской мясной промышленности Роджером Хоровитцем мы знаем, что промышленные здания формируют гендерные идентичности и ранжируют навыки в соответствии с половой принадлежностью тех, кто на них трудится [Horowitz, 1997].

Вместо того чтобы рассматривать фабрики всего лишь как артефакты индустриализации, исследователи технологий исследуют их как динамичные элементы в производственном процессе и наделяют их культурной значимостью. Конечно, фабрики всегда строились с учетом городской планировки. В начале XX века, когда шла непрерывная колонизация городов новыми типами промышленных зданий, их городские и социальные изменения шли рука об руку с формированием новых идентичностей тех, кто был вовлечен в индустриальное производство. Возьмем для примера уже упомянутый завод Ford в Хайланд-Парке. Когда это здание по проекту архитектора Альберта Кана вводилось в эксплуатацию, это было всего лишь отдельное здание вне городской черты на незастроенной земле. Но скоро это место трансформировалось в густонаселенный и процветающий микрорайон с городским образом жизни, расширивший границы города [Biggs, 1996, p. 104].

Кроме естественно-научных исследователей, историки городов также проявили интерес к переплетению городского планирования и развития технологий, еще в 1979 году посвятив этому специальный выпуск *The Journal of Urban History*. Целью выпуска было рассмотреть «взаимодействие между процессами урбанизации и силами технологического прогресса», сохранив при этом в неприкосновенности традиционное представление о развитии технологий [Tarr, 1979, p. 275]. По словам Джоэля Тарра, исследования на стыке города и технологий должны служить инструментальной цели. Изучение технологических воздействий на город в прошлом может привести к улучшению понимания технологий и, как следствие, к улучшению городов будущего. Восемь лет спустя во втором специальном выпуске *The Journal of Urban History*, посвященном городу и технологии, ранее детерминистское представление о технологии было отчасти забыто, так как технология стала ассоциироваться с городской культурой, экономикой и политикой. В то же время представление о городе осталось не более чем производной от технологических изменений [Rose, Tarr, 1987].

Ситуация изменилась, когда сторонники теории социального конструирования технологий (SCOT) пересмотрели концепцию технологий и, как следствие, способ понимания города. Вместо принятия как должного утверждения, что социальный прогресс движим технологическими инновациями, конструктивистский взгляд выдвигает аргумент, что это не технология определяет человеческие действия. Используя метафору «бесконечной паутины», технология воспринимается только через ее непосредственное отношение к обществу, с которым она переплетена в плотную сеть, узлы и пересечения которой неразличимы [Bijker, Hughes, Pinch, 1989]. Развивая этот аргумент, Кейт Гринт и Стив Вулгар используют более гибкую метафору

«технология как текст» и заявляют, что технологии можно интерпретировать тем же способом, что и текст [Grint, Woolgar, 1997]. Как же тогда конструктивистский взгляд на технологии соотносится с городским планированием и городом?

Исследования Эдуардо Айбара и Вибе Бейкера, анализирующих план расширения Барселоны в XIX веке [Aibar, Bijker, 1997], или Бейкера и Карин Вийстервельд, рассматривающих участие женщин в государственном жилье в Нидерландах, выдвинувшие на первый план соответствующие социальные группы, формирующие как технологии, так и город, рассматривают, таким образом, городское планирование как форму технологии и город как своего рода артефакт [Bijker, Bijsterveld, 2000]. Вместо рассмотрения города как локуса технологической активности, в этих случаях конструктивистский подход пытается идентифицировать процессы взаимного формирования города и технологий. Более раннее представление о формирующей роли технологии используется, чтобы связать мышление и действие индивидуальных акторов в социальные процессы, конституирующие социальные группы, релевантные для развития артефактов и технологических изменений [Bijker, 1995].

Опираясь на социально-конструктивистский подход, эта статья представляет краткое социоисторическое исследование развития средиземноморского города в конце XIX века как центра обработки табака.

Я рассматриваю город Кавалу как артефакт, который переживал соразвитие вместе с табачным производством. Этот город претерпел изменение от интровертной религиозной организации до разделенного, но социально организованного пространства. Его фокальной точкой, центральным пунктом — центральным в смысле экономики, политики и культуры, но также и в физическом смысле пространственного центра — стало место размещения табачных складов. Расцвет городской жизни, а также пространственная и социальная реорганизация города шли рука об руку с индустриализацией. В следующем разделе я покажу, как это происходило. Но прежде чем начать, необходимо разобраться с терминологией. В то время как слова «политический» и «культурный» выражают динамику намерения и человеческой мотивации, «пространственный» обычно ассоциируется с застоем, нейтралитетом и пассивностью. В моем анализе пространство не описывает положение объектов, зданий и людей, а указывает на наборы отношений, социальных стратегий и согласований, связанных с местом. Более того, я считаю, что места не имеют одной уникальной идентичности, а полны внутренних конфликтов по поводу того, каким это место должно быть, каким оно является и для кого.

Строительство города в конце XIX века

В конце XIX века Кавала представляла собой маленький прибрежный город на севере Греции, расположенный на небольшом полуострове и ограниченный с одной стороны стеной, с другой — морем. Каменная стена византийской постройки определяла границу города, который все еще был частью Османской империи. Турки, евреи и около сотни православных греков жили в части города, известной как Махалля (*Machala*). Иностранцы путешественники тех лет сообщали, что внутри стен основной архитектурой были деревянные двухэтажные дома в турецком стиле, с выступающими на улицу навесами для создания тени. «Депрессивный» и темный старый город был типичным турецким поселением XIX века, где три основные этно-религиозные группы — мусульмане, евреи и православные христиане — селились компактно в пяти примыкающих друг к другу районах [Walker, 1864, p. 13]. Эти районы организовывались вокруг своих религиозных пространств, создавая интровертные структуры, такие как внутренние дворы и тупиковые улицы, которые, повторяясь в разных масштабах, создавали тесную организацию города.

Греки и евреи, не владевшие недвижимостью в старом городе, годами страдали от жилищных проблем вследствие того, что стена сдерживала индустриальное и гражданское строительство. В то время греки жили в основном торговлей хлопком и обработкой табака, занимаясь этим в своих и без того тесных жилищах. В XIX веке выращивание табака и торговля им были на подъеме вследствие распространившейся среди греков привычки к курению. В особенности после войны за независимость 1821 года на оживленных рынках и многолюдных кварталах городов Греции и греческих городов Оттоманской империи начали открывать свои двери для курильщиков маленькие табачные магазины (*argastiria* или *toutountzidika*). Конечно, «торговцы табаком всегда имели в своих мастерских связки табака любого качества, от которых они отре-

зали и продавали своим покупателям то, что тем было нужно. Они редко имели в продаже какие-то еще товары» [Kaplani, 2004, p. 24]².

В то же время менялись и способы потребления, что было следствием серьезных попыток превратить табак в выгодный коммерческий товар. Жевание и нюхание табака постепенно заменялись скрученными сигаретами, в то время как кальяны и трубки теряли популярность. В 1883 году греческое правительство впервые попробовало получить доход от этой привычки, учредив налоги на табак и введя ограничительные меры по продаже табака и папиросной бумаги. Импорт, подготовка, хранение и продажа папиросной бумаги стали исключительным правом греческого государства, создавшего государственную монополию на эту продукцию. Курильщики были обязаны покупать табак, обернутый в соответствующее количество папиросной бумаги. Это стало началом эпохи «четыре и один». Стандартной покупкой в табачной лавке стали табак на четыре лепты (1/100 греческой драхмы) и папиросная бумага — на одну. Целью этих ограничений была борьба с черным рынком, так как большинство греков предпочитали покупать табак вразвес и делать самокрутки. В отсутствии свободной продажи сигаретной бумаги курение самокруток стало невозможным [Yakoumaki, Charitatos, 1997].

Рост потребления сигарет вызвал рост количества табачных плантаций на подходящих для этого землях Македонии и Фракии. Благодаря своему положению Кавала скоро стала главным портом, специализировавшимся на экспорте табака, что привело к острой потребности в больших площадях как для хранения, так и для обработки табака. Некоторое количество жителей города из числа греков составили обращение к Блистательной Порте (правительству Османской империи) с просьбой о разрешении на строительство за городскими стенами «домов и мастерских». В нем утверждалось, что благодаря этому «производство табака увеличится, а таможенные сборы стократно вырастут» [Angeloudi-Zarkada, 1986a, p. 9]. Поскольку такой запрос, сделанный напрямую, не мог рассчитывать на успех, греки попросили вмешательства православного Стамбульского патриарха в 1864 году. То, что выглядит как простое расширение города в сугубо практических целях, оказалось политическим действием, включающим сложные переговоры между султаном и патриархом. Пока город находился под османским правлением, любые градостроительные планы в неявном виде представляли собой весьма политические действия, так как, требуя расширения границ города, греки желали получить не только больше места, но и больше прав и полномочий.

До 1860 года цены на табак определялись местными турецкими чиновниками (особенно беом Драмы, города к западу от Кавалы), которые контролировали как производство, так и торговлю. Но в конце XIX века, несмотря на сохраняющийся статус протектората Османской империи, территория Македонии переживала вторжение европейского капитала и экономическое развитие, основанное на участии в международной торговле. Экономические договоры между Османской империей и европейскими странами, такие как коммерческое соглашение 1840 года о запрете ряда турецких монополий, открыли возможности для экономического развития как для греков, так и для евреев, проживавших на этой территории. Вскоре доселе влиятельный бей Драмы оказался оттеснен от ценообразования интернациональными экспортными компаниями и торговцами табаком, которые теперь договаривались о цене напрямую с производителем. До этого времени табак находился в руках фермеров вплоть до доставки его в дома греков в Кавале или на небольшие склады за чертой города, где он обрабатывался и готовился к отправке на экспорт. В этом контексте требования греков о расширении города подготавливали почву для сокращения власти империи и перехода влияния к европейскому капиталу.

И хотя точно неизвестно, когда турки дали греческой общине первый *фирман* на расширение города, первая греческая православная церковь за пределами городской стены была возведена в 1886 году [Angeloudi-Zarkada, 1986a].³ В течение первого периода расширения города вследствие нехватки подходящих промышленных помещений крупнейшие торговцы и экспортеры табака вынуждены были тратить огромные суммы на строительство первых табачных складов. Ранний пример этого — *Latinou kapnomagazo*, который был построен в Кавале непосредственно на берегу в районе 1850 года. Здание принадлежало Фрателли Аллатини Ком-

2 Табачные купцы (toutoudzis) создали в Османской империи свою собственную гильдию [Ioannidis, 1998, p. 13].

3 Фирман или ферман — это королевский мандат или указ, изданный султаном Османской империи на территории захваченных государств и этносов. Целью этих указов, среди прочего, было регулирование отношений и статусов, обязанности, внешний вид аристократии и другие темы.

пани, еврейской семье, которая уже владела мукомольней в Салониках. Два брата Аллатини, кроме того, уже были вовлечены в производство высококачественного кирпича и кровельного железа в качестве партнеров французской *Les Grands Moulins de Corbeil*, которая активно работала во многих коммерческих секторах, включая и табачную торговлю. *Latinou* поставляла продукцию в основном Итальянской табачной монополии и управлялась братьями Мисдраки из богатой еврейской семьи. Позднее предприятие было переименовано в Коммерческую компанию Салоников (*Commercial Company of Salonika Limited*).

Десять лет спустя Эббот и Францис Кинни, владельцы бренда «Sweet Caporal», одного из самых популярных сигарет ручной скрутки в США, и владельцы больших складов в Северной Каролине и Вирджинии, решили, что зарубежный табак может оказаться новинкой, позволяющей увеличить продажи. Их компания, Табачное предприятие братьев Кинни (*Kinney Brothers Tobacco Business*), располагалась в Нью-Йорке, а в Европе они сотрудничали с *Lubbock Company*, расположенной в Лондоне. В 1860 году братья Кинни построили второй большой табачный склад в Кавале, потратив на это грандиозную по тем временам сумму (15 000 английских фунтов) [Lykourinos, 1997, p. 98]. Среди наиболее типичных примеров такого индустриального дизайна находится также склад австро-венгерской компании *Herzog et Cie*. Эта компания была основана в 1889 году еврейским бароном Пьером Хезогом и управлялась Адольфом Виксом фон Жолнаем, немецким евреем, бывшим в городе немецким и австрийским консулом. В 1905 году *Herzog et Cie* стала главным поставщиком султана в Стамбуле⁴.

Компании и частные торговцы инвестировали в строительство таких складов за пределами города по двум главным причинам. Во-первых, эти склады служили для хранения необработанного табака. Во-вторых, внутри этих складов множество новоприбывших рабочих — как мужчин, так и женщин — занимались ручной обработкой табака и готовили его к отправке из порта Кавалы по всему миру. Табак экспортировался в Австро-Венгрию, Россию, Великобританию, Египет, Францию и даже в США. Город стал привлекать как греческих буржуа — независимых торговцев-экспортеров, работавших главным образом с Балканским регионом, Россией, Египтом и Турцией, — так и европейские корпорации, мощных инвесторов, которые строили свои собственные склады, обычно игравшие двойную роль: как консульств соответствующих стран и как табачных торговых домов. Показательно, что к 1880 году все важнейшие европейские державы имели в Кавале свои консульства [Lykourinos, 1997, p. 107].

Тем не менее в конце XIX — начале XX века проблема развития промышленности в Греции была не столько экономической, сколько культурной, в том смысле что промышленность нуждалась скорее в приобретении технологических знаний, нежели в увеличении производительности. Новое греческое государство сфокусировалось больше на сельском хозяйстве и развитии коммерции, нежели на индустриальном прогрессе. Понимая, что молодое греческое государство не могло соперничать с индустриально развитыми европейскими странами путем организации конкурентоспособных производств, греческие политики выступали за развитие профессионально-технического образования как ответа на нужды страны [Chatzeiosif, 1986; Antoniou, 2006]. Тем не менее в 1900 году греческий консул в Кавале Грегориус Каррос в своем докладе для Министерства внутренних дел указал на недостатки этой политики. Он утверждал, что неадекватная экономическая политика государства в отношении развития табачной промышленности и отсутствие поддержки греческих торговцев на территории Македонии — все еще находившейся под властью Османской империи — приведет к экономическому доминированию Австрии и потере греческого влияния на территории [Lykourinos, 1997, p. 118–132]. Действительно, местные греческие торговцы табаком вскоре оказались оттеснены полугосударственной турецкой компанией Режи (*Règie (Co-interesèe de tabacs de l' Empire Ottoman)*), монополизировавшей торговлю табаком с Османской империей. К 1910 году вся торговля

⁴ К сожалению, нам неизвестно ничего про архитекторов, спроектировавших эти ранние здания, из-за того, что городские архивы были уничтожены во время болгарской оккупации. Источником сведений для данной статьи послужили в основном опубликованные заметки иностранных путешественников и местных историков-краеведов, а также биографические заметки Георгиоса Пегиоса, члена Коммунистической партии Греции и профсоюза табачных рабочих. Также я сверялась с опубликованными документами Главного государственного архива. В исследовании использованы фотографии из муниципального Музея Кавалы и из коллекции Пола Колларта. Но эта статья не была бы написана, если бы я не жила жизнью обычного горожанина в этом городе в детстве и юности.

и экспорт табака из Кавалы перешли под контроль французской и австрийской монополий [Stefanidou, 2007, p. 177].

Архитектура обработки табака

Один из способов прочтения расширения Кавалы состоит в том, чтобы рассматривать новые табачные склады как инвестиции и практическое решение производственных проблем. И в самом деле, первые табачные фабрики строились прямо на берегу бухты, чтобы упростить транспортировку обработанного табака. «Они были расположены настолько близко к воде, что нередко штормовые волны бились об их стены» [Pegios, 1984, p. 17]. Те, что были построены позже, сформировали обширную полукруглую зону за первой линией, в которой так же оказались расположены все важные экономические сооружения нового города: Османский имперский банк, Османский сельскохозяйственный банк, Австрийское и Французское пароходные агентства, иностранные консульства и австрийский и французский почтовые офисы [Stefanidou, 2007, p. 296].

В 1870 году согласно «Клио», греческой газете, издававшейся в Триесте, Кавала уже была известна в европейских политических и бизнес-кругах как один из ключевых портов и наиболее важных в Северо-Восточной Македонии коммерческих центров по экспорту табака и хлопка, затмевающий даже Салоники [Angeloudi-Zarkada, 1986a, p. 10]. К концу XIX века из порта Кавалы ежегодно на экспорт отправлялось порядка 4000 тонн табака, большая часть которого принадлежала двум крупнейшим компаниям, работавшим в городе, — австрийской *Herzog et Cie* и итальянской *Fratelli Allatini* [Stefanidou, 2007, p. 174]. Раз в две недели австрийский пароход Ллойда и два французских судна прибывали в городской порт, в то время как множество турецких, итальянских и английских судов заходили туда на пути следования по отдельным нерегулярным экспортным маршрутам согласно потребности в экспортных заказах⁵. Согласно отчету главного финансиста Македонии, в 1913 году в Кавале существовал 61 торговый дом, специализировавшийся на табаке, а общий экспортный оборот в 4 раза превышал показатели Салоники [Stefanidou, 2007, p. 171].

Первые табачные склады, появившиеся в городе, были небольшими простыми двухэтажными зданиями из необработанного камня. Их форма соответствовала их функции: свет был необходим для обработки, а для хранения нужна была темнота, поэтому архитектура складов обеспечивала хорошее естественное освещение на верхнем этаже и отсутствие света — на нижнем. На первом этаже окна со всех четырех сторон обеспечивали достаточную вентиляцию для предотвращения гниения товара, но эти окна были небольшого размера, для того чтобы ограничить попадание солнечного света на сложенный в деревянных выгородках, или «загонах», сырой табак. Обработка проходила выше, где окна были больше и, соответственно, пропускали много света, а когда этого было недостаточно, открывались и мансардные окна.

В плане склады были прямоугольной формы, с фасадом на одной из коротких сторон. Шатровые крыши изготавливались из дерева и покрывались византийской (керамической) черепицей. Лестницы были расположены вдоль стен по длинной оси здания, что позволяло наиболее простым и безопасным способом перемещать связки табака между этажами. Самые первые склады строились отдельно стоящими, не примыкавшими к другим зданиям ни одной из четырех сторон, что гарантировало оптимальное освещение верхнего этажа, где производилась обработка табака.

Примечательная особенность ранних зданий состоит еще и в том, что у каждого *капномагазу* была только одна дверь, причем сравнительно небольшого размера, а не ворота, чего можно было ожидать для общественного промышленного здания такого размера. Первоначальное объяснение основывается на том факте, что в те времена табак все еще перемещали вручную, и поэтому дверь могла быть не меньше, чем необходимо для прохода груженого носильщика (или «стивидора», согласно отраслевой терминологии). Другое объяснение небольшого размера двери связано с трудовой политикой и контролем за рабочими. Единственный, и он же центральный, вход в *капномагазу* охранялся *кавазисом* и *кавазеной*, мужчиной и женщиной, в чьи обязанности входил физически обыск мужчин и женщин, покидавших *капномагазу* в конце рабочего дня

5 Георгиос Саррос в Министерство иностранных дел Греции, 24 января 1900 года. Общий государственный архив (GSA), Префектура Кавала. Хотя жители Кавалы с 1892 года просили построить порт для развития торговли, его строительство не началось до 1930-х годов. Все это время пароходы бросали якорь на рейде в море и небольшие баржи переправляли на них связки табака [Pegios, 1986, p. 17].

[Pegios, 1984, p. 27]. Любопытно, что этот обыск служил двум целям. Во-первых, это уменьшало количество табака, контрабандой выносимого из фабрики и нелегально скуриваемого рабочими. Ловкие рабочие заворачивали краденую табачную смесь в папиросную бумагу, тем самым обеспечивали себя самокрутками. Во-вторых, единственная дверь служила механизмом контроля во время крупномасштабных акций рабочих, ограничивая возможность для забастовщиков ворваться внутрь склада и тем самым позволяя штрейкбрехерам безопасно продолжать работу.

В начале XX века бум в табачной торговле еще раз отразился в проектах табачных складов. По замечанию архитектора Саппхо Ангелауди: «Табачные склады этой эпохи значительно больше старых сооружений, хотя строились также из дерева и камня, но с двумя или более деревянными двускатными крышами. Типичной особенностью новых зданий являются симметричные окна и треугольные фронтоны, в которых обычно прорубались круглые или прямоугольные световые окна» [Angeloudi-Zarkada, 1986a, p. 11]. Эти новые здания проектировались в соответствии со вкусом богатых иностранных торговцев, прибывавших в Кавалу для ведения бизнеса, и строились в популярном в то время неоклассическом стиле, за исключением нескольких примеров архитектуры, отражающей немецкий неоклассицизм. Углы и первые этажи обычно облицовывались рустовкой, а этажи маркировались внешними полосами, что подчеркивало горизонтальную ось постройки. Балконы были редки, но, когда присутствовали, изготавливались из металла и включали кованые перила и богато украшенные кронштейны.

Склады этого периода имели три-четыре этажа и обычно занимали два здания. Впечатляющие пешеходные мосты, перекинутые через улицу для соединения двух табачных складов, имели такие же декоративные элементы, что и сами новые здания складов. Эти мосты были и функциональными элементами. Когда пространство для нового строительства стало ограниченным и оказалось необходимым строить склады вплотную друг к другу, возникла проблема с освещением. И эти небольшие металлические переходы под открытым небом, соединяющие здания одного владельца, послужили решением.

Внутренние пространства оставались в основном не перегородженными, что обеспечивало большие открытые пространства для работы, а полы, перекрытия и крыши по-прежнему изготавливались из дерева. Внутри здания иногда был колодец для обеспечения водой верхних рабочих этажей и поддержания нужного уровня влажности на первых складских этажах. Эти новые склады всегда оснащались двойными дверьми, богато украшенными ковкой снаружи, стеклом и деревом — изнутри. У некоторых вход был украшен или обрамлен треугольным фронтоном, на котором указывалось имя владельца или компании, владеющей зданием, и дата завершения строительства⁶. Фактически табачные фабрики этого периода демонстрировали не только экономическое процветание иностранных торговцев, но и увеличение культурного престижа торговли табаком. Склады воплощали готовность архитекторов и владельцев публично демонстрировать тот факт, что их бизнес пошел в гору в Европе и по всему миру.

Индустриальная архитектура: механизм по конфигурированию идентичностей

Архитектура табачных складов действовала как руководство и ежедневное напоминание для рабочих о том, кто они есть и где они находятся. И новые и старые структуры были выражением традиционных способов труда и накладывали на рабочих столь же традиционные идентичности. Вплоть до 1920-х табак обрабатывался и подготавливался полностью вручную. Сам процесс обработки производился на верхнем этаже склада, в так называемой *салони*, где трудились как мужчины, так и женщины. Культура повседневного труда, состоящая из неписаных правил, регулирующих поведение рабочих, из способов, которыми эта работа выполнялась, и манеры восприятия каждым отдельным работником своего места в иерархии способностей и навыков, обнаруживает систему сильных гендерных трудовых конвенций.

Работа была разделена между мужчинами и женщинами, формирующими два главных поля экспертизы, включенных в явную иерархию. Мужчины (дексида и эксастрациды) были ответственны за первоначальную сортировку табачных листьев по качеству. Они сидели попарно на камышовых матах, разложенных на полу прямо под окнами. До тех пор, пока табачные склады не были оборудованы электрическим освещением, места рядом с окнами были наи-

⁶ Mormori, Popi. Οι Καπναποθήκες της Καβάλας (Kavala's tobacco warehouses) – недатированные и неопубликованные диссертации, Городская библиотека Кавалы.

более привилегированными. Молодые и менее опытные сортировщики, отвечавшие за вторичную и третичную сортировку, также сидели парами, но уже спиной к спине. К каждой паре опытных сортировщиков была приставлена женщина-работник (пасталцоу), сидевшая, скрестив ноги, в полуметре от них. В ее зону ответственности входили низкокачественные табачные листья и укладка отборных листьев в небольшие кучки (пасталии) — другими словами, она ассистировала декцидам в неквалифицированной работе по складыванию листьев и получала за это меньшую зарплату. Более того, женщинам было запрещено становиться декцидами, что сохраняло четкую иерархию отношений рабочего пространства [Avdela, 1993].

Планировка помещения была открытой не только по технологическим причинам, но и для обеспечения хорошего надзора за рабочей силой. Группы по трое работников — двое мужчин и женщина — располагались в большой открытой *салони*, что означало, что бригадир (начальник) мог видеть, чем все они занимаются. Бригадир — чисто мужская должность — отвечал за одну или две *салони* где работали от 70 до 100 рабочих. Он обладал значительной властью над рабочими, так как именно он назначал заработную плату рабочим в зависимости от их мастерства, отбирал самых ловких и распределял работу и обязанности в соответствии с опытом каждого. Окончательно утверждала бригадиров компания, но они избирались рабочими, и кандидат должен был быть знаком и уважаем в тех *салониях*, за которыми он смотрел [Pegios, 1984, p. 25–26].

В конце XIX века большинство прибывавших в город в качестве сезонных рабочих на табачные склады были из сельской местности и не были знакомы с фабричной дисциплиной. И архитектура их рабочего пространства давала им опыт такой дисциплины и трансформировала вчерашних крестьян в индустриальных рабочих. Пространственное расположение табачных складов обеспечивало систему власти, в которой дисциплина и наблюдение, в терминах Мишеля Фуко, играли основную роль. Охранники на входе, узкие двери, открытая планировка, разбитые на две части рабочие смены (с 7:00 до 11:00 утра и с 1:30 до 5:00 вечера) — все грани этой промышленной архитектуры были разработаны с учетом индустриальной дисциплины.

Уникальной особенностью этого раннего индустриального дизайна был и привлекающий внимание ритуал входа и выхода рабочих в помещение табачного склада. Весенними и летними утрами мужчины первыми прибывали на работу; их прибытие и отбытие отмечалось заводским колоколом. Пятнадцать минут спустя после второго удара колокола должны были начать работу женщины, которые заканчивали работу также на четверть часа позже. Дневной заработок отмечался также достаточно шумным способом: при входе на фабрику каждый бросал свой жетон в специальный металлический ящик, и этот звон отсчитывал один оплаченный день [Pegios, 1986, p. 27]. Таким образом, архитектура и ритуалы, связанные с ней, служили для выделения гендерной иерархии в обработке табака. Более низкая оплата труда женщин и более низкая оценка их умений были отмечены в пространстве. Здания и их пространственное расположение служили доказательством гендерной дискриминации и были активными агентами в осуществлении иерархии власти на рабочем месте.

В то же время архитектура, особенно архитектура более поздних строений, способствовала росту престижа торговцев табаком. Когда директор *Herzog et Cie* переместил свой офис в монументальное неоготическое здание, построенное специально для его компании в начале XX века, пространство явно было использовано для того, чтобы публично представлять табачную компанию через архитектуру. Те же потребности стояли за украшением зданий декоративными элементами, впечатляющими фасадами и нанесением имен владельцев на фронтоны складов в начале XX века.

Прочтение города через его архитектуру

Сосредоточив пристальное внимание на практической стороне строительства табачных складов, мы, однако, упускаем из виду более интересную проблему социальной, политической и пространственной трансформации, происходящей в индустриализирующемся городе. Очевидно, что новая структура города следует за возникающей социальной стратификацией. На территории вокруг складов торговцы табаком, формирующие новую греческую буржуазию, строили свои дома, внушительные здания в неоклассическом стиле. Вначале у самого моря, а потом все дальше от береговой линии, множество впечатляющих особняков составили престижный район Сент-Джон, в центре которого находится уже упомянутая первая греческая

православная церковь, построенная за пределами городских стен. Несколько вилл, наиболее примечательных и удачно расположенных на береговой линии, принадлежало иностранным табачным купцам и консулам.⁷

Экономическое развитие города шло рука об руку с образовательным и культурным расцветом. Первая школа для мальчиков была построена в 1881 году, а следом за ней, на берегу моря, в 1894-м — школа для девочек [*Angeloudi-Zarkada, 1986b*]. Несколько роскошных отелей, таких как Hotel Kathe и Grand Hotel, принимали важных гостей города, в то время как их рестораны стали центрами развлечений для местной буржуазии [*Stefanidou, 2007, p. 300*]. Все это располагалось в новом, переопределенном центре вокруг табачных складов с их фасадами, развернутыми к улице. Город покинул свою старую, замкнутую и интровертную структуру и повернулся лицом к открытому пространству.

В то время как финансовые потоки от экспорта табака увеличивали богатство греческих торговцев и заграничных монополий, рабочие, занятые в табачной промышленности, обладали только одним драгоценным навыком — сортировать табачные листья по их качеству. Обработка табака производилась по большей части с поздней весны по раннюю осень, и поэтому большинство рабочих нанимались сезонно. Как и в других кейсах индустриализации городов, жители окружающей сельской местности шли в Кавалу в надежде устроиться на работу в растущей табачной индустрии. Большинство из новоприбывших были греками. Согласно турецким переписям населения, до выхода города за пределы старых стен в нем проживало порядка 100 греческих мужчин, но десятилетие спустя их количество достигло 2700. А к 1909 году население города выросло до 12 000 [*Lykourinos, 1997, p. 102*]. Кроме мусульман и православных греков, которые к началу XX века были представлены приблизительно равным образом, третья религиозно-этническая группа — евреи — составляла только 6–8% населения [*Stefanidou, 2007, p. 139*]. Те, кто работал в табачной индустрии, в основном проживали на северо-западе города, в мультиэтническом районе, неподалеку от складов. Эти люди жили в лачугах и небольших домах и не имели религиозного ядра в центре сообщества.

Будучи построенным на холме, расширяясь, город принимал форму амфитеатра, в центре которого полукругом расположилось табачное производство. Повседневные сцены, которые когда-то разыгрывались в этих декорациях, мельтешение цветов и гул разговоров городских улиц, запах табака и движение людей, которые живут его обработкой, очень красноречивы.

Город был настоящим ульем, где люди-пчелы входили и выходили из летков табачных ульев. Мужчины заканчивали работу раньше, и узкие улицы затапливала река людей, чьими единственными различимыми особенностями на таком расстоянии оказывались лишь красные фески и соломенные рыбацкие шляпы. Как только поток мужчин иссякал, через десять минут на улицы выплескивалась вторая волна, уже состоящая из женщин, в черных фартуках и с красочными зонтиками для защиты от жаркого солнца [*Pegios, 1984, p. 16–17*].

Мирные дни в городе нередко чередовались с уличными беспорядками. Еще в 1869 году работники табачных складов, требовавшие увеличения зарплаты, организовали первую массовую демонстрацию на улицах вокруг складов. Эти волнения закончились убийством одного из чиновников Османской табачной монополии и жестким вмешательством местной жандармерии [*Pegios, 1984, p. 13; Vyzikas, 1994, p. 12–13*]. В течение первого десятилетия XX века Кавалу потрясли несколько крупных забастовок. Члены профсоюза, включая как греков, так и мусульман и евреев, требовали увеличения оплаты труда и уменьшения рабочих часов.

Безработные, держа на руках своих маленьких детей (что также было частью борьбы), спускались вниз из всех городских районов. Они размахивали черными флагами и громко требовали работы — пособий — еды.... Они образовали бесконечный людской поток, заполнявший узкие городские улицы [*Pegios, 1984, p. 57*].

Технологические изменения вкупе с политическими потрясениями 1910-х годов еще больше радикализировали табачный профсоюз. В первый срок правительства Элефтериоса Венизелоса — с 1910 по 1914 год — экономическое развитие в Греции в основном шло за счет

⁷ Сегодня в одном из этих зданий — особняке Петра Герцога (1890) — находится мэрия Кавалы.

сельского хозяйства и повышения уровня жизни в целом. Государственный контроль над экономикой был значительно расширен во время второго срока правительства Венизелоса, с 1917 по 1920 год. В то время как предпринимались некоторые усилия по созданию базовой технической инфраструктуры, такие как строительство греческой государственной железной дороги, развитие промышленности все еще не выходило за рамки планов на бумаге. Тем не менее в табачной промышленности началось применение технологических инноваций — в частности, внедрение машин для механического скручивания сигарет привело к значительному падению зарплат рабочих. Кроме того, начало использования тонга, машин для прессовки табака, установившихся в *салониях* крупных компаний, привело к дальнейшему гендерному разделению труда, так как работать с ними позволялось только женщинам. Ответом правительства Венизелоса на радикализацию рабочего движения в табачной индустрии стали новые жесткие законы, усложняющие реализацию права на забастовки [Agriantoni, 2006]. Позднее, между 1920 и 1930 годами, забастовки были обычным делом на производстве, рабочие демонстрации стали повседневной реальностью жизни любого города, связанного с обработкой табака.

Именно в июне 1928 года рабочих табачных фабрик в Кавале призвали на крупнейшую забастовку в истории города. Швейцарский археолог Пауль Колларт, бывший проездом в городе в это время, коротко записал: «Вторник, 12 июня. Кавала утром. Забастовка рабочих табачной промышленности; патрули на улицах» [Bielmanetal, 2001, p. 21]. И хотя он пересекал город на следующий день после забастовки, он отметил множество местных жандармов, все еще патрулирующих улицы. Всего несколько часов назад они были заполнены разъяренными демонстрантами и жандармами, полными решимости жестко разогнать их [Vyzikas, 1994].

В начале 1930-х внедрение на табачных производствах Кавалы тонга-машин и механизированной обработки табака привело рабочих, в наибольшей мере пострадавших от этого, к противостоянию с полицией на улицах города и городских *капномагазах*. Это произошло в ходе забастовки с беспрецедентно высокой явкой, — забастовки, которая оказала огромное влияние на судьбу профсоюзного движения рабочих табачной промышленности Греции. Это было короткое объявление, которое заставило город содрогаться в течение пяти дней, попавшее в заголовки афинских газет и поставившее вопросы, которые были подняты в парламенте. 20 июля 1933 года одно из табачных предприятий Кавалы, использовавшее тонга-машины, разместило на входе в свой склад-*капномагазу* объявление, в котором говорилось, что все рабочие-мужчины будут уволены в течение трех дней. Впредь компания будет брать на работу только женщин, которые будут работать на тонга-машинах. Обслуживание этих агрегатов только женщинами должно было вдвое уменьшить расходы на обработку из-за меньшей оплаты труда и также ослабить профсоюзы, в которых доминировали мужчины. Тем же вечером мужчины-рабочие решились на сидячую забастовку в знак протеста против решения менеджмента. Забастовщики кричали из окон: «Мужчины на тонга!», в то время как их жены и дети вышли на демонстрацию на улицы города. Мужчины продолжали забастовку в течение пяти дней, с небольшим запасом еды и воды забаррикадировавшись мешками с табаком внутри фабрики, и покинули здание только после того, как правительство пообещало выполнить их требования. В том же году закон 5817/710/1933 сделал обязательным «нанимать мужчин-рабочих на работу с тонга».

Заключение

В этой статье я исследовала границы между табачными складами и городом, которые включают в себя также и политические столкновения между профсоюзами и полицией. Склады-*капномагаза* изучены как естественные механизмы по созданию границ между частными и публичными пространствами и их иерархией, отношениями между квалифицированными и чернорабочими, надзирателями и надзираемыми, забастовщиками и штрейкбрехерами.

В статье я показала, что эти ранние индустриальные постройки разрушили пространственные границы и во многих аспектах переконфигурировали старые идентичности в новые. Во-первых, первые предприниматели разместили свои склады-мануфактуры на городской карте таким образом, чтобы обеспечить максимальную продуктивность. Они выбрали удобное расположение с точки зрения транспортировки продукции, близости к местам произрастания табака и наличия рабочей силы. Вскоре Кавала выросла в важный торговый и политический центр на нестабильной географической карте. Городская буржуазия — местные торговцы табаком, консулы некоторых европейских стран и представители международного бизнеса — пе-

реопределили расположение центра города, его характер и его границы. И в процессе этого они переопределились и сами, став влиятельными промышленниками, публично представляющими свои достижения.

Во-вторых, прибывающие в город низкооплачиваемые сезонные работники становились фабричными рабочими, перенимая рабочую культуру и ритуалы, вписанные во внутреннее пространство складов-капномагаза. Несмотря на то что у рабочих никогда не было права голоса в процессе городского планирования, они были способны значительно повлиять на него. Не имея возможности жить в центре города, они селились в основном в северо-западной части Кавалы, превращая это место в район сопротивления. Еще в конце XIX века большое количество восстаний и забастовок переместилось на городские улицы, и рабочий образ жизни переместился из складов-мануфактур в городское пространство. Улицы города стали естественным продолжением рабочего пространства и местом ожесточенных схваток и сопротивления.

И наконец, внутреннее устройство пространства внутри складов-мануфактур указывало на гендерное разделение навыков, традиционное для работы, связанной с табаком. В течение 1920–1930-х годов технологические изменения в процессе обработки табака подорвали традиционную форму повседневной рутины и трансформировали неписанные правила, управлявшие работой внутри табачной салони. Установленная гендерная иерархия и структуры власти между рабочими подверглись опасности исключения мужчин из процесса производства с внедрением тонга-машин. Как здания могут играть активную роль в трансформировании идентичностей и служат доказательством перемен, так и капномагаза оказались способны сделать то же самое.

Рис. 2. Склады Австрийской табачной монополии, соединенные мостом, сейчас переделаны в торговый пассаж. На фото изображено расположенное в Кавале здание фирмы братьев Шинази – еврейских бизнесменов из Нью-Йорка – 1910 года постройки

Источник: фото предоставлено Камило Ноллас.

Рис. 1. Ряд новых табачных складов на набережной Кавалы. Груженные табаком баржи вывозят тюки к кораблям, стоящим на рейде. К началу XX века большинство табачных складов были сосредоточены в прибрежной зоне и состояли из высоких, трех- и четырехэтажных строений или комплексов зданий

Источник: фото предоставлено муниципальным Музеем Кавалы.

Благодарности

Я хочу поблагодарить Маноли Коккино, библиотекаря Кавальской библиотеки, и Саппхо Ангелюди-Закада за их помощь в поиске ресурсов, относящихся к складам-мануфактурам и табачной промышленности. Яннису Антонию и Эми Слэйтон я выражаю признательность за их ценные библиографические предложения. Я благодарю Альбену Яневу, Симона Гая, Яна Фишера и двух анонимных рецензентов за помощь в прояснении и укреплении моих аргументов. Кроме того, я благодарю Джанни Визику за его разрешение на публикацию фото 1, которое принадлежит муниципальному Музею Кавалы; Жана-Жака Страма и Патрика Мишель из Института археологии и наук о древности, Университет Лозанны, которые помогли

Рис. 3. Панорамный вид Кавалы, сделанный Полем Коллартом, скорее всего, в начале 1930-х годов. Справа виден старый город, ограниченный стеной, и акведук, который использовался до конца 1960-х годов. Вдоль береговой линии можно увидеть табачные склады

Источник: фото предоставлено Институтом археологии и древних наук, Собрание Пола Колларта.

мне найти и дали разрешение на использование фото 3 из коллекции Пола Колларта; фотографа и друга Камило Нолла — за разрешение использовать его фотографию (фото 2) и за развитие моего интереса к табачным складам-капномагаза благодаря его фотовыставке под названием Карпномагаза.

Источники

Айбар Э., Бейкер У. (2017) Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны//Социология власти. № 29 (1). С. 203–232.
Agriantoni C. (2006) Venizelos and Economic Policy//The Trials of Statesmanship/P.Kitromilides (ed.). Athens: Institute for Hellenic Research – Edinburgh University Press. P. 254–318.
Angeloudi-Zarkada S. (1986a) H Kavala os Kapnoupoli//Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias. Vol. 7. P. 9–14.
Angeloudi-Zarkada S.(1986b) O Neoklasikismos stin Kavala//Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias Vol. 7. P.15–22.
Antoniou G. (2006) Oi Ellines Mlxanikoi, Thesmoi kai Idees 1900-1940. Athens: Bibliorama.

- Avdela E.(1993) O Sosialismos ton Allon: Taxikoi Agones, Ethnotikes Sigkrousis kai Tautotites Filou sti Metaothomaniki Thessaloniki//Ta Istorika. Vol. 18/19. P. 171–204.
Banham R. (1986) A Concrete Atlantis: U.S. Industrial Building and European Modern Architecture, 1900–1925. Cambridge: MIT Press.
Bielman A., Courtois Ch., Ducrey P., Franze B. (2001) Waldemar Deonna (1880–1959) – Paul Collart (1902- 1981): Two Swiss Archaeologists Photographing Greece 1904–1939//Catalogue of an exhibition at Benaki Museum, Athens, March 15 – April 14, 2001. Athens: Benaki Museum.
Biggs L. (1996) The Rational Factory: Architecture, Technology and Work in America's Age of Mass Production. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
Bijker W., Bijsterveld K. (2000) Women Walking Through Plans: Technology, Democracy and Gender Identity//Technology and Culture. Vol. 41. P. 485–515.
Bijker W. (1995) Of Bicycles, Bakelites and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change. Cambridge, MA: MIT Press.
Bijker W., Hughes T., Pinch T. (1999) The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology. Cambridge, MA: MIT Press.
Bradley B. (1999) The Works. The Industrial Architecture of the United States. New York: Oxford University Press.
Chatzeiosif Ch. (1986) Apopseis Giro apo ti Viosimotita ths Elladas kai to Rolo tis Viomixanias//Aferoma sto Niko Svorono. Vol. B.P. 330–368.
Grint K., Woolgar S. (1997) The Machine at Work: Technology, Work and Organization. Cambridge: Polity Press.
Hildebrand G. (1974) Designing for Industry: The Architecture of Albert Kahn. Cambridge: MIT Press.
Horowitz R. (1997) "Where Men Will Not Work": Gender, Power, Space and the Sexual Division of Labor in America's Meatpacking Industry, 1890–1990//Technology and Culture. Vol. 38. No. 1. P. 187–213.
Ioannidis I. (1998) To Kapniko stin Kavala. Kavala: Municipal Historical Museum Publications.
Kaplani G. (2004) Tabakothikes: Koutia Kapnou kai Arravona. Athens: Olkos.
Lewis R. (2001) Redesigning the Workplace: The North American Factory in the Interwar Period//Technology and Culture. Vol. 42. P. 665–856.
Lykourinos K. (1997) 'To Kapnemporio tis Kavalasw kai to Ethniko Zitima stis Paramones tou Ethnikou Agona'// Ypostego, Periodiko Ekfrasis kai Logou. Vol. 8–9. P. 95–133.

- Meyer S. (1981) *The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Motor Company, 1908–1921*. Albany: State University of New York Press.
- Pegios G. (1984) *Apo tin Istoría tou Syndikalistikou Kínhmatos tis Kavalas (1922–1953)*. Athens: Pedagogical Books Organization. P. 16–17.
- Rose M., Tarr J. (1987) Introduction to the Issue on the City and Technology//*Journal of Urban History*. Vol. 14. P. 3–6.
- Slaton A. (2001) *Reinforced Concrete and the Modernization of American Building, 1900–1930*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Stefanidou A. (2007) *Η Πολι Limani tis Kavalas kata tin Periodo tis Tourkokratias. Poleodomiki kai Istoriki Diereunisi*. Kavala: Historical and Folklore Museum.
- Tarr J. (1979) Introduction to the Issue on the City and Technology//*Journal of Urban History*. Vol. 5. P. 275–277.
- Vyzikas G. (1994) *Xroniko ton Kapnergatikon Agonon*. Kavala: Kavala Municipal Museum. P. 53–54.
- Walker M.A. (1864) *Through Macedonia to the Albanian Lakes*. London: Chapman-Hall.
- Yakoumaki P., Charitatos M. (1997) *I Istoría tou Ellinikou*. Athens: Greek Literary and Historical Archive.

MARIA RENTETZI

CONFIGURING IDENTITIES THROUGH INDUSTRIAL ARCHITECTURE AND URBAN PLANNING:

GREEK TOBACCO WAREHOUSES IN LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURY

Maria Rentetzi, Professor, Chair of Science, Technology and Gender Studies, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg (FAU), Visiting Scholar, Max Planck Institute for the History of Science (MPI); 6, Bismarckstrasse, Erlangen, D-91054, Germany.

E-mail: mrentetzi@mpiwg-berlin.mpg.de

Abstract

In the late nineteenth century the city of Kavala, a town by the sea in northern Greece, was developed to one of the most important tobacco processing centers in the Balkan area. Powerful tobacco merchants mainly from the Hapsburg and Ottoman empires built a considerable number of tobacco warehouses thus redefining the center of the city, its character, as well as its borders. I argue that the architecture of those warehouses deeply configured the identities of tobacco workers and provided the means to tobacco merchants to publicly present themselves and their achievements. At the same time those early industrial buildings subverted the boundaries between the city and the factory, shedding light on the work culture and everyday lives of Greece's tobacco workers.

Keywords: tobacco warehouses; architecture and technology; technology studies; industrial design; gender; identity

Citation: Rentetzi M. (2020) Configuring Identities through Industrial Architecture and Urban Planning: Greek Tobacco Warehouses in Late Nineteenth and Early Twentieth Century. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 2, pp. 34–49. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp52202034-49>

References

- Agriantoni C. (2006) Venizelos and Economic Policy. Kitromilides P. (ed.) *The Trials of Statesmanship*. Athens: Institute for Hellenic Research – Edinburgh University Press. Pp. 254–318.
- Aibar E., Bijker W. (1997) Constructing a City: The Cerda Plan for the Extension of Barcelona. *Science, Technology and Human*, vol. 22, no 1, pp. 3–30.
- Angeloudi-Zarkada S. (1986a) H Kavala os Kapnoupoli' [Kavala as a Tobacco Town]. *Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias* [Greek Technical Chamber of Commerce – Eastern Macedonia], vol. 7, pp. 9–14. (in Greek)
- Angeloudi-Zarkada S. (1986b) O Neoklasikismos stin Kavala [Neoclassicism in Kavala]. *Techniko Epimelitirio Elladas-Anatolikis Makedonias* [Greek Technical Chamber of Commerce – Eastern Macedonia], vol. 7, pp. 15–22. (in Greek)
- Antoniou G. (2006) Oi Ellines Mlxanikoi, Thesmoi kai Idees 1900–1940 [Greek Engineers, Institutions and Ideas 1900–1940]. Athens: Bibliorama. (in Greek)
- Avdela E. (1993) O Sosialismos ton Allon: Taxikoi Agones, Ethnotikes Sigkrousis kai Tautotites Filou sti Metaothomaniki Thessaloniki [The Socialism of the 'Others': Class Struggle, Clashes Between Ethnicities and Gender Identities in Post-Ottoman Thessaloniki]. *Ta Istorika* [History], vol. 18/19, pp. 171–204. (in Greek)
- Banham R. (1986) *A Concrete Atlantis: U.S. Industrial Building and European Modern Architecture, 1900–1925*. Cambridge: MIT Press.
- Bielman A., Courtois Ch., Ducrey P., Franze B. (2001) Waldemar Deonna (1880–1959) – Paul Collart (1902–1981): Two Swiss Archaeologists Photographing Greece 1904–1939. *Catalogue of an exhibition at Benaki Museum, Athens, March 15 – April 14, 2001*. Athens: Benaki Museum.

- Biggs L. (1996) *The Rational Factory: Architecture, Technology and Work in America's Age of Mass Production*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Bijker W., Bijsterveld K. (2000) Women Walking Through Plans: Technology, Democracy and Gender Identity. *Technology and Culture*, vol. 41, pp. 485–515.
- Bijker W. (1995) *Of Bicycles, Bakelites and Bulbs: Toward a Theory of Sociotechnical Change*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bijker W., Hughes T., Pinch T. (1999) *The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Bradley B. (1999) *The Works. The Industrial Architecture of the United States*. New York: Oxford University Press.
- Chatzeiosif Ch. (1986) Apopseis Giro apo ti Viosimotita ths Elladas kai to Rolo tis Viomixanias' [Viewpoints on Greece's Viability and the Role of Industry]. *Aferoma sto Niko Svorono* [Special Edition on Nikos Svoronos], vol. B, pp. 330–368. (in Greek)
- Grint K., Woolgar S. (1997) *The Machine at Work: Technology, Work and Organization*. Cambridge: Polity Press.
- Hildebrand G. (1974) *Designing for Industry: The Architecture of Albert Kahn*. Cambridge: MIT Press.
- Horowitz R. (1997) "Where Men Will Not Work": Gender, Power, Space and the Sexual Division of Labor in America's Meatpacking Industry, 1890–1990. *Technology and Culture*, vol. 38, no 1, pp. 187–213.
- Ioannidis I. (1998) *To Kapniko stin Kavala* [Tobacco Matters in Kavala]. Kavala: Municipal Historical Museum Publications. (in Greek)
- Kaplani G. (2004) *Tabakothikes: Koutia Kapnou kai Arravona* [Cigarette Cases: Betrothal and Tobacco Boxes]. Athens: Olkos. (in Greek)
- Lewis R. (2001) Redesigning the Workplace: The North American Factory in the Interwar Period. *Technology and Culture*, vol. 42, pp. 665–856.
- Lykourinos K. (1997) 'To Kapnemporio tis Kavalas kai to Ethniko Zitima stis Paramones tou Ethnikou Agona' [The Kavala Tobacco Trade and the National Question on the Eve of the National Struggle]. *Ypostego, Periodiko Ekfrasis kai Logou*, vol. 8–9, pp. 95–133. (in Greek)
- Meyer S. (1981) *The Five Dollar Day: Labor Management and Social Control in the Ford Motor Company, 1908–1921*. Albany: State University of New York Press.
- Pegios G. (1984) *Apo tin Istorია tou Syndikalistikou Kinhmatos tis Kavalas (1922–1953)* [From the History of Kavala's Union Movement (1922–1953)]. Athens: Pedagogical Books Organization, pp. 16–17. (in Greek)
- Rose M., Tarr J. (1987) Introduction to the Issue on the City and Technology. *Journal of Urban History*, vol. 14, pp. 3–6.
- Slaton A. (2001) *Reinforced Concrete and the Modernization of American Building, 1900–1930*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Stefanidou A. (2007) *H Poli Limani tis Kavalas kata tin Periodo tis Tourkokratias. Poleodomiki kai Istoriki Diereunisi* [The City-Port of Kavala During the Turkish Domination. Urban and Historical Development]. Kavala: Historical and Folklore Museum. (in Greek)
- Tarr J. (1979) Introduction to the Issue on the City and Technology. *Journal of Urban History*, vol. 5, pp. 275–277.
- Vyzikas G. (1994) *Xroniko ton Kapnergatikon Agonon* [Chronicle of the Tobacco Workers' Struggle]. Kavala: Kavala Municipal Museum, pp. 53–54. (in Greek)
- Walker M.A. (1864) *Through Macedonia to the Albanian Lakes*. London: Chapman-Hall.
- Yakoumaki P., Charitatos M. (1997) *I Istorია tou Ellinikou Tsigarou* [The History of Greek Cigarette]. Athens: Greek Literary and Historical Archive. (in Greek)